

tional Court V. Zorkin wrote in one of his articles that «if the ECoHR judgments were doubtful (from the point of view of the Convention itself) and affected national sovereignty then Russia was entitled to work out a defense mechanism against such judgments» [8].

On 16 June 2011 the deputy chairman of the Council of the Federation

A. Torshin introduced the amendments to the legislation with the purpose of establishing priority of the Constitution of Russia over the ECoHR decisions. In Torshin's opinion, Russian sovereignty and legislation were more important than the ECoHR. However, the draft law has never been approved.

All this resulted in the judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No 21-P of 14 July 2015 according to which the ECoHR judgments are no longer subject to unconditional implementation and from now on the Constitutional Court itself will decide whether a particular ECoHR decision needs to be implemented or not. [9].

Of course, the judgment was an acknowledgment of the approach formulated in Torshin's draft law that had been declined in 2011. Furthermore, the legal position of the Constitutional Court seemed to constitute a politically motivated decision. Due to the good faith obligation and the absence of political pressure there can be no obstacles to finding legal solutions to the implementation of international obligations. Finally, the judgment of the Constitutional Court breached the existing system of account and implementation of the ECoHR decisions and, possibly, caused Russia to make a step back in promoting effective protection of human rights. And that is the issue of big concern.

5. Conclusion

So, it can be seen from what has been said that effectiveness in the field of human rights law can be achieved only by means of collaboration between both nation states and international bodies. It is a state that violates human rights, therefore, some kind of a deterrent in a form of an international institution is needed in order to protect these rights.

This article has looked into the ECoHR and its role in establishing effective protection of human rights. Evidence is plentiful: interpretation of the Convention by the Court leads to good results in observing human rights in Europe.

In this uncertainty the judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14 July 2015 makes the situation even more complicated. Who now is going to be the main promoter of human rights protection in Russia if the ECoHR has been put on the sidelines? Will it be the Constitutional Court itself? These questions are open for further research and analysis because the official rejection of the ECoHR took place just recently. But, undoubtedly, the Constitutional Court made an attempt to show its supremacy and frequency of further demonstrations of such supremacy will determine development of the situation in the field of human rights in the future.

References

1. Overview of the human rights framework [e-resource] // Official site of the International Justice Resource Center. — URL: http://www.ijrcenter.org/ihr-reading-room/overview-of-the-human-rights-framework/#_ftnref6 (accessed on 27 March 2016).
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (4 November 1950) 213 UNTS 222; 312 ETS 5, entered into force 3 September 1953.
3. The European Convention on human rights. Review 1959-2014 [e-resource] // Official site of the European Court of Human Rights. — URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Overview_1959_2014_ENG.pdf (accessed on 28 March 2016).
4. Delcourt v. Belgium, application no 2689/65, judgment of 17 January 1970.
5. N. Mole & C. Harby A guide to the implementation of Article 6 of the European Convention on Human Rights (Directorate General of Human Rights Council of Europe, human rights handbooks, No 3, 2001).
6. Sporrang and Lönnroth v. Sweden, application no 7151/75, judgment of 23 September 1982.
7. M. Carss-Frisk A guide to the implementation of Article 1 of the European Convention on Human Rights (Directorate General of Human Rights Council of Europe, human rights handbooks, No 4, 2001).
8. V. Zorkin Limits of concessions [e-resource] // Official site of the Russian newspaper. — URL: <http://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (accessed on 29 March 2016).
9. The Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No 21-P of 14 July 2015 [e-resource] // Official site of the Russian newspaper. — URL: <http://rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html> (accessed on 29 March 2016).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОВТОРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

М.И. Харлова,
магистрант ИГиП ТюмГУ
kharlova.m@mail.ru

Научный руководитель:
Р.Д. Шарапов,
заведующий кафедрой уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, профессор

Федеральным законом от 31.12.2014 №528-ФЗ [3] Уголовный кодекс Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) был дополнен статьей 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», предусматривающей уголовную ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения. Криминализация данного деяния обусловлена его общественной опасностью и широким распространением, необходимостью противодействия «дорожному рецидиву».

Название ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию» не отражает в полной мере содержащийся в ней уголовно-правовой запрет, поскольку, во-первых, вопреки ее названию речь идет не о любом нарушении правил дорожного движения, а об управлении транспортным средством в состоянии опьянения и (или) о невыполнении требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения; во-вторых, субъектом данного преступления может быть не только лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное правонарушение, но и лицо, имеющее судимость за совершение тождественного (аналогичного) преступления.

При определении понятия лица, находящегося в состоянии опьянения, в примечании к ст. 264 УК РФ законодатель использовал фикцию, приравняв к опьянению невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Данное законоположение было резко воспринято отдельными учеными как нарушающее презумпцию невиновности [10; 75]. Между тем, ответственность за неисполнение обязанности лиц, управляющих транспортным средством, пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения, является одним из необходимых средств обеспечения безопасности дорожного движения и не может рассматриваться как нарушающая права человека.

Конституционный Суд РФ указывал, что медицинское освидетельствование не противоречит праву не свидетельствовать против себя, поскольку это процессуальное действие позволяет объективно установить, управляло ли лицо транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, и не зависит от заявлений лица о своей виновности и предоставления им каких-либо доказательств [5]. Равным образом Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) отмечал, что привилегия против самообвинения не распространяется на использование в уголовном процессе материалов, которые могут быть получены от подозреваемого или обвиняемого независимо от его воли принудительным путем (изъятие по предписанию документов, получение образцов крови, мочи и кожного покрова для проведения анализа ДНК и т.п.) [6].

Законодательная фикция, используемая при определении лица, находящегося в состоянии опьянения, необходима для обеспечения неотвратимости уголовной ответственности и предупреждения возможных попыток «обойти закон», поскольку в противном случае виновное лицо, зная о различных правовых последствиях управления транспортным средством в состоянии опьянения и невыполнения требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, могло бы «предпочесть» подвергнуться административной, а не уголовной ответственности. По сути в примечании к статье 264 УК РФ идет речь о криминализации не только повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения, но и повторного невыполнения требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Воспрепятствование доказыванию факта нахождения лица в состоянии опьянения может также выражаться в оставлении лицом места дорожно-транспортного происшествия и невыполнении требования о запрещении употреблять алкогольные напитки, наркотические, психотропные или иные одурманивающие вещества до проведения освидетельствования на состояние опьянения. Однако, приравнивание любого противодействия доказыванию факта к его доказанности недопустимо. Оставление места дорожно-транспортного происшествия и нарушение запрещения употреблять опьяняющие вещества до проведения освидетельствования сами по себе не исключают производство освидетельствования и медицинского освидетельствования на состояние опьянения, несмотря на то что оценка результатов данных процессуальных действий будет затруднена. Акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения не являются единственно допустимыми доказательствами и подлежат оценке наряду с другими доказательствами.

Другой особенностью субъекта преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ является то, что данное лицо подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (далее — КоАП РФ)) или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.26 КоАП РФ) либо имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного чч. 2, 4 и 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ. Иными словами, альтернативными признаками рассматриваемого состава преступления являются административная преюдиция либо неснятая (непогашенная) судимость за тождественное (аналогичное) преступление. С истечением сроков, в течение которых лицо считается подвергнутым административному наказанию (согласно ст. 4.6 КоАП РФ данный срок равен 1 году со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания), либо со снятием или погашением судимости антиобщественные мотивы, которыми руководствовалось лицо при совершении правонарушения (преступления), нивелируются.

Вопрос о том, могут ли свойства личности быть основанием дифференциации юридической ответственности, является спорным в науке уголовного права [9; 58-59] [11; 273]. Равно как ученые не могут прийти к единому мнению о том, должны ли влиять свойства личности не только на индивидуализацию, но и на дифференциацию уголовной ответственности, так и законодатель непоследователен в своих решениях, что может быть продемонстрировано отказом от административной преюдиции в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. и ее последующим возвращением в уголовное законодательство, исключением такого квалифицирующего признака, как судимость, и вновь дополнением им статей УК РФ.

Представляется верным, что основанием дифференциации уголовной ответственности являются не только свойства деяния, но и личность виновного. Деяние является фактическим основанием уголовной ответственности, однако уголовную ответственность несет личность, особенностью которой не должны игнорироваться в процессе дифференциации ответственности. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего преступление лица, противоречило бы запрету дискриминации и принципам справедливости и гуманизма [4].

Дифференциация ответственности за счет признаков личности субъекта преступления, а именно усиление ответственности в случае административной преюдиции и судимости за тождественное (аналогичное) преступление, справедливо: лицо демонстрирует устойчивую антиобщественную ориентацию и применяемые к нему меры ответственности должны быть более суровыми, нежели назначенные ему ранее. Повторное совершение общественно опасного деяния лицом может также свидетельствовать о том, что для исправления лица оказалось недостаточным репрессивного потенциала ранее примененных к нему

мер и необходимо усилить ответственность за вновь совершенное деяние. Превентивное воздействие дифференциации ответственности в зависимости от признаков личности субъекта преступления заключается не столько в страхе перед суровостью наказания, сколько в применении к такому лицу более суровых мер ответственности, которые сделают невозможным или крайне затруднительным продолжение преступной деятельности: например, назначение лишения свободы лицу, признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, исключает возможность управления им транспортным средством в состоянии опьянения.

Усиление или ослабление уголовной репрессии в зависимости от свойств общественной опасности личности должно быть криминологически необходимо, а также разумно и соразмерно. Существенная переоценка законодателем опасности деяния и опасности личности виновного в зависимости только от того, каким законом предусматривается санкция, не может считаться обоснованной. Если обратить внимание на разницу в санкциях ст.ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ и ст. 264.1 УК РФ только лишь в части размера штрафа за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения либо не выполнившим требование о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, то увеличение максимального размера штрафа с 30 000 рублей до 300 000 рублей за одно и то же деяние, но при условии повторности его совершения, представляется несоразмерным. Между тем, до вступления в силу Федерального закона от 31.12.2014 №528-ФЗ согласно ч. 4 ст. 12.8 КоАП РФ повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения влекло наложение административного штрафа в размере 50 000 рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок три года. Подобный разрыв в санкциях при дифференциации юридической ответственности противоречит требованию ее соразмерности и является признаком бессистемности политики противодействия дорожным правонарушениям и преступлениям.

В связи с принятием Федерального закона от 31.12.2014 №528-ФЗ, дополнившего УК РФ ст. 264.1, возник вопрос, возможно ли привлекать к уголовной ответственности лицо, которое совершило первичное административное правонарушение до вступления в силу указанного закона (до 01.07.2015). При поиске ответа необходимо учесть, что в случае привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, лицо несет ответственность только лишь за вновь совершенное деяние. Независимо от времени совершения «предкриминального» административного правонарушения лицо имело возможность предвидеть наступление уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Верховный Суд РФ обратил внимание, что при таких обстоятельствах осознавалась преступность деяния на момент его совершения, поэтому для целей ст. 264.1 УК РФ учитывается административное наказание, назначенное лицу до 01.07.2015 [8]. Данная точка зрения согласуется с позицией ЕСПЧ, согласно которой отсутствуют основания применения отмененного (измененного) уголовного закона в случаях, когда лицо могло предвидеть правовые последствия своего деяния и изменить свое поведение [7].

Итак, криминализация управления транспортным средством в состоянии опьянения и невыполнения законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения концептуально не противоречит уголовному закону. Основанием для дифференциации уголовной и административно-деликтной ответственности (как внутри названных отраслей законодательства, так и между ними) является степень общественной опасности деяния и его деятеля. Разумная и соразмерная дифференциация ответственности необходима. Вместе с тем, законодателю следует обратить внимание на согласование положений административно-деликтного и уголовного законодательства не только в части конструирования диспозиции правовых норм, но и соразмерности санкций за нарушение одного и того же правового запрета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // Российская газета. 2001. №256.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 №3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 — 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. №3.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 №673-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахтареева Эдуарда Ильшатовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. The European Court of Human Rights. Judgment of 17 December 1996. Saunders v. The United Kingdom, Application no. 19187/91 // echr.coe.int : официальный сайт Европейского Суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58009> (дата обращения: 13.05.2016).
6. The European Court of Human Rights. Judgment of 18 April 2013. Rohlena v. The Czech Republic, Application no. 59552/08 // echr.coe.int : официальный сайт Европейского Суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-151051> (дата обращения: 13.05.2016).
7. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 159.4 в связи с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11.12.2014 №32-П и статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 31.07.2015) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Бойко А.И. Есть и иное мнение // Библиотека криминалиста. 2013. №2 (7). С. 51-61.
9. Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Чучаев А.И. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // Lex russica. 2015. №4. С. 71-80.